

Сегодня Чэнь Юй заснул раньше, чем обычно, но для Чжао Юшэна это было даже к лучшему.

Мо Юй оставила Чжао Юшэна и спящего Чэнь Юя в комнате. Выйдя, она не забыла оглянуться. Через окно была видна неподвижная фигура Чжао Юшэна, сидящего у кровати.

Глядя на эту фигуру, она невольно ощутила какую-то тяжесть.

Возможно, Чжао Юшэн давно не посещал дом Чэней, и от этого он казался ей чужим. Мо Юй подумала, что, вероятно, она просто накручивает себя. Но обычно он бы разбудил Чэнь Юя, чтобы поговорить.

Голоса двух юношей раздавались бы из комнаты, и Чэнь Юй всегда смеялся и радовался в его компании.

Услышав, как шаги Мо Юй удаляются, Чжао Юшэн наклонился, приблизившись к лицу Чэнь Юя, и стал слушать его дыхание. Дыхание было ровным и спокойным, а в свете оранжевого пламени свечи его черты казались мягкими и нежными.

Чжао Юшэн опустил веки, и под светом и тенью его черты казались глубокими и торжественными. Это было не похоже на выражение, которое должно быть у юноши.

Чэнь Юй, погружённый в глубокий сон, не знал, что Чжао Юшэн смотрел на него так долго. Он был в своих грёзах.

Его сны были полны морских волн, больших кораблей и цзяожэней, сидящих на морских скалах и поющих под светом луны. Их песни были такими мягкими и приятными, как колыбельная матери, как лёгкий ветерок, срывающий с веток цветы безмятежности.

В комнате было так тихо, что можно было услышать падение иголки. Чжао Юшэн осторожно вынул из-за пазухи маленькую деревянную резную шкатулку для благовоний и положил её рядом с подушкой Чэнь Юя. Чэнь Юй любил благовония, и, учитывая статус его отца как крупного морского торговца, ему не приходилось искать хорошие ароматы.

Однако фигурные благовония, выдаваемые Управлением по делам императорского клана потомкам императорского рода, были высочайшего качества, их изготавливали лучшие мастера столицы, и купить их было невозможно ни за какие деньги.

Чжао Юшэн знал, что за болезнь у Чэнь Юя, и понимал, что тот будет снова и снова прикован к постели. Он не мог, как в прошлой жизни, часто навещать его, поэтому оставил эту шкатулку с благовониями в качестве утешения.

Чжао Юшэн с крайней осторожностью коснулся щеки Чэнь Юя, но быстро убрал руку, ощутив тепло его кожи. Только живой человек мог быть таким тёплым. Самым ярким чувством,

которое Чжао Юшэн ощутил, вернувшись в эту жизнь, было то, что Чэнь Юй всё ещё жив.

Он был ещё маленьким мальчиком, не испытывавшим страданий, и больше не потеряет всех своих близких, не останется в одиночестве, скитаясь по морским просторам.

Чжао Юшэн встал, чтобы уйти, и услышал разговор во дворе. Это был Чэнь Фань, беседующий с Мо Юй. Как старший брат Чэнь Юя, Чэнь Фань часто приходил в его двор, так как там также жил их отец.

Однако Чэнь Фань редко заходил в комнату Чэнь Юя, поскольку их отношения были довольно прохладными.

Чэнь Фань справлялся о состоянии Чэнь Юя, и Мо Юй ответила, что он рано лёг спать, а также упомянула, что Чжао Юшэн пришёл сегодня вечером и находится в комнате.

Слыша приближающиеся шаги и голоса, Чжао Юшэн предположил, что Чэнь Фань собирается зайти. И действительно, вскоре Чэнь Фань оказался у двери, распахнул её и, увидев Чжао Юшэна, небрежно поклонился.

— Так это ты здесь, зачем пожаловал так поздно? — сказал он с недобрый тоном.

Он был человеком крепкого телосложения, высоким и производил впечатление грубого и неотёсанного человека, а его отношение было пренебрежительным.

— Приветствую. Видимо, вы только что вернулись с пирушки? — Чжао Юшэн вежливо ответил, хотя в свои шестнадцать лет он был значительно ниже Чэнь Фаня, но его уверенность ни в чём не уступала.

Мо Юй, последовавшая за ними в комнату, увидела, как они смотрят друг на друга с жёсткими и недовольными выражениями, и подумала: «Никогда они не ладили, всегда друг друга недолюбливали».

Чэнь Фаню было двадцать три года, возраст, когда уже пора было заниматься светскими делами, и он почти каждую ночь уходил пировать. Сейчас от него пахло алкоголем и духами. Он усмехнулся, прошёл мимо Чжао Юшэна и подошёл к Чэнь Юю.

Они словно не хотели уходить первыми, оба стояли у кровати, и Мо Юй почувствовала, что они словно настороже, будто каждый из них боялся, что другой что-то сделает с Чэнь Юем. Она решила, что это, вероятно, её воображение.

К счастью, Чэнь Фань не задержался надолго, он просто зашёл, чтобы показать своё присутствие.

После того как Чэнь Фань ушёл, Чжао Юшэн последовал его примеру.

Мо Юй с фонарём проводила Чжао Юшэна до ворот и тихо сказала:

— Как удачно, что сегодня вечером пришёл старший брат.

Чжао Юшэн усмехнулся и ответил:

— Мо Юй, ты, наверное, боялась, что мы подерёмся?

Её выражение лица в комнате было особенно напряжённым.

Мо Юй сказала, что он шутит, ведь у них нет никаких обид, зачем им драться.

Чжао Юшэн всё ещё улыбался, и его улыбка в свете фонаря казалась Мо Юй немного зловещей. Провожая его взглядом, она задумалась: «Неужели они действительно враждуют между собой?»

Эх, бедный молодой господин, у него и брат, и лучший друг, а они словно огонь и вода.

Мо Юй вернулась в комнату Чэнь Юя, убедилась, что он спит спокойно, закрыла окна и двери и отправилась спать в свою комнату. Она заботилась о Чэнь Юе с особой тщательностью, ночью несколько раз проверяя его. Она была дочерью бедной семьи, проданной в дом Чэней, где стала служанкой Чэнь Ин. Чэнь Ин относилась к ней хорошо. Когда Чэнь Ин вышла замуж, она не взяла её с собой, оставив в доме Чэней, так как беспокоилась о брате.

Чэнь Ин и Чэнь Фань были родными братом и сестрой, но, что интересно, Чэнь Ин очень любила Чэнь Юя, а Чэнь Фань, похоже, никогда не принимал его как брата.

Ночной ветер свистел, холод проникал в каждую щель одежды. Близость к морю делала осенние и зимние ночи не только холодными, но и ветреными, так что казалось, будто ветер мог унести человека. У Чу, выходя из дома Чэней, только что выпил горячий суп, но это не спасало от холода. Он сжался, засунув одну руку в рукав, а в другой держа фонарь. Чжао Юшэн ехал на лошади, накинув на себя плащ, и двигался не спеша. Его семья со времён деда жила у моря, и он давно привык к морскому ветру.

— Как же холодно! Когда вернусь домой, выпью горячего вина, будет так приятно! — сказал У Чу, который был старше Чжао Юшэна.

Его дед, У Синь, любил выпить, и, видимо, он унаследовал эту привычку.

Чжао Юшэн, увидев вдалеке огни своего дома, сказал:

— Да, у себя дома будет уютнее.

Его мать не была строга к нему, но запрещала ему пить.

У Чу тут же стал льстить:

— Я тайком куплю вам бутылочку.

Это было не впервые, что они пили тайком. В прошлом Чжао Юшэн мог пить под носом у матери и драться за стенами школы императорского клана. Наверное, в глазах других он был безнадежным повесой.

Когда они добрались до дома, всё было тихо. Мать и младший брат уже спали. Чжао Юшэн дал У Чу немного денег, чтобы тот купил вина.

Когда У Чу вернулся с вином и заглянул в комнату Чжао Юшэна, он не нашёл его там, но увидел свет в кабинете. Заглянув в окно, он увидел, как его молодой хозяин сидит за столом и изучает морскую карту.

В кабинете было несколько морских карт, оставшихся от деда Чжао Юшэна. Его дед когда-то был начальником Управления морской торговли в Гуанчжоу и оставил множество карт и навигационных записей. Воспользовавшись своей должностью, он также общался с морскими торговцами и записал их рассказы о зарубежных землях, составив книгу «Записки о морских землях», которую можно было найти даже в современных книжных лавках.

Чжао Юшэн был сосредоточен, его пальцы скользили по карте, отслеживая маршруты. У Чу не стал его беспокоить, а просто передал бутылку вина через окно, положив её на стол. Он поднял голову и встретился взглядом с Чжао Юшэном, чтобы не кричать, что вино на столе.

Драки, выпивка или чтение разных книг — всё это было привычным для У Чу, который давно знал своего молодого хозяина. Поэтому он не заметил никаких изменений в Чжао Юшэне, даже несмотря на то, что У Синь говорил, что старший сын стал более рассудительным.

Пока Чжао Юшэн пил вино и изучал карту, Чэнь Юй проснулся. Он потер глаза и почувствовал странный аромат рядом с подушкой. При свете луны он разглядел деревянную шкатулку.

Он был ещё сонным, но, взяв шкатулку в руки и увидев выгравированные на ней иероглифы, тихо прошептал:

— Ашэн.

Это были дворцовые благовония, доступные только потомкам императорского рода. Очевидно, Чжао Юшэн приходил.

Чэнь Юй прижал шкатулку к носу, глубоко вдохнув аромат. Он был прекрасен. В комнате, кроме света луны, было темно, и Чэнь Юй не знал, который час, но было уже глубокая ночь, и вокруг царила тишина.

Он почувствовал разочарование, ведь когда Чжао Юшэн пришёл, он спал, и никто его не разбудил. Только аромат из шкатулки утешал его, и этот невидимый запах словно формировал перед его глазами образ высокого и статного юноши.

Чэнь Юй, держа шкатулку, снова заснул. Ему приснился порт Гуанчжоу, где на шумном пиру в ресторане «Горы и море» десятки морских торговцев, как местных, так и иноземцев, были приглашены чиновниками Управления морской торговли. Это был большой пир в честь возвращения кораблей. Отец Чэнь Юя сидел за столом с чиновниками, и маленький Чэнь Юй впервые увидел маленького Чжао Юшэна, который пришёл с дедом.

<http://bllate.org/book/15279/1348789>